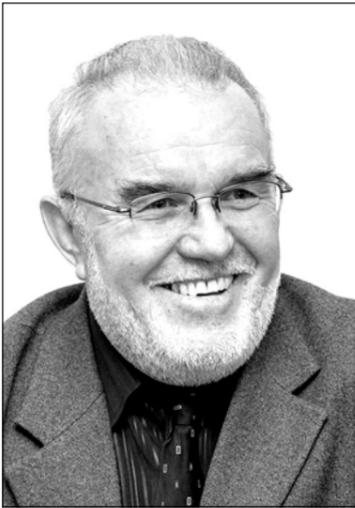

Родом из сибирского села

Директор Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН доктор географических наук, профессор Виктор Максимович Плюснин — известный учёный, специалист в области горного ландшафтоведения, геоэкологии, экзогенных процессов рельефообразования, аэрокосмических методов исследования, экологического картографирования, автор более 200 публикаций, в том числе 8 монографий, 2 учебных пособий, 5 карт. Работы Виктора Максимовича по изучению природных условий и ресурсов Байкальского региона позволили провести экологическое зонирование Байкальской природной территории.

Виктор Максимович родился 18 декабря 1948 года в селе Малый Куналей Бичурского района Республики Бурятия в большой семье и хорошо усвоил главный принцип, которым позже руководствовался всегда — «доводить любое дело до конца». Кстати, все дети из их семьи «вышли в люди»: два сына на радость родителям стали докторами наук, а дочери — одна врачом, другая — мастером на крупном заводе.

Истоки своего успеха Виктор Максимович видит не только в том, что хорошая «закваска» в детстве была дана, но и в том, что «хорошие учителя встречались и в школе, и в университете, и в институте». А ещё, наверное, есть у него некое честолюбие, стремление быть если не первым, то, во всяком случае, не последним.

— В детстве, конечно, мечтал стать лётчиком, как многие мальчишки послевоенной поры, но не прошел медкомиссии из-за зрения, — признается Виктор Максимович. — Год работал в вечерней школе учителем. О каких-то особых своих способностях и конкретной дороге в жизни не размышлял. Другок мой предложил поехать в Иркутск поступать в госуниверситет, и я согласился. Поступили на математический факультет. Петру как детдомовскому дали общежитие, а я по углам мыкался. Первую сессию сдать успешно, а потом забрал документы и уехал. В Улан-Удэ работал на заводе, в армии отслужил и, став взрослее, понял, что ближе всего мне всё-таки география. Всегда любил природу, отец-охотник частенько брал с собой, показывал необычные места, с детства увлекался картами и атласами. Карта СССР висела у нас на стене, и я знал наизусть все города, реки, заливы, мысы и мечтал о путешествиях. Так что уже вполне сознательно поступил на географический факультет.

В те годы строился БАМ, мы с однокурниками написали работу на эту тему и послали её на конкурс. Каково же было наше изумление, когда сообщили, что она была признана лучшей по географическим наукам в СССР. Мы получили медали и премии, а наш иркутский учёный-географ Лев Николаевич Ивановский пригласил меня в Институт географии СО РАН (тогда он назывался Институт географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР) старшим лаборантом. Но я отказался, потому что меня уже распределили в Читинскую топогеодезическую экспедицию. Мой университетский руководитель профессор Леонид Александрович Пластинин уговорил поехать с ним в экспедицию на Кадар изучать ледники, в частности Дагалдынскую группу ледников, которую он открыл. И после того как мы с Леонидом Александровичем побывали в экспедиции, он предложил и дальше вместе работать. Так я остался на своей кафедре геодезии и картографии ИГУ, а в 1977 вместе со своим учителем перешел в Институт географии СО РАН.

— Ваше любимое направление исследований?

— Горы, горные ландшафты. Кандидатскую и докторскую диссертации посвятил ландшафтному анализу горных территорий. Вообще и современное, и древнее оледенение гор Сибири необычное, отличное от классических территорий, таких как Альпы, Кавказ. Там влияние океана, большое количество влаги, а здесь, в центре континента, в большей степени сказываются не осадки, а отрицательные температуры и запас холода — не успевают за лето стаять снег, лед, накапливаясь в карах, отрогах, формирует эти необычные оледенения.

Другое интересующее меня направление — дистанционное зондирование, развитие аэрокосмических методов. На их основе мы составляем ГИС-проекты, дешифрируем космическую информацию, составляем карты уже в автоматизированном режиме. У истока этого направления исследований стоял мой учитель Леонид Александрович Пластинин. Это он создал в ИГ лабораторию аэрокосмических методов. Мы первыми применили такие методы, отработывали методики дешифрирования аэро-, а потом и космических снимков, составление первых карт по ним. Я и учебное пособие на эту тему подготовил, и в ИРГТУ лекции на эту тему до сих пор читаю.

Если первое направление моих исследований в основном классическое, то второе больше имеет прикладное значение. Оно связано с составлением ГИС-проектов, причём не только картографической их части, но и атрибутивной информации: какова скорость, мощность, динамика каких-то эрозионных процессов, например. На основе наших обоснований планируются работы по реализации крупных проектов, например, строительства Богучанской ГЭС. Это может быть основанием и для небольших производственных проектов.

Когда шло строительство БАМа, необходимо было определить как экзогенные процессы, которые мы изучаем, повлияют на строящиеся дороги. Были, конечно, данные в стране, но по черноморскому побережью, горам Кавказа, берегам Волги. А для Восточной Сибири — только исследования Института земной коры, но и те разрозненные. А по нивальному (снежному) поясу гор наши данные вообще были пионерные, новые. Мы исследовали, как могут влиять выбросы лавин, скорости их перемещения при десерпционном, дефлюкционном смещении, делювиальные, мерзлотные процессы, какие явления вызывают снежники, наледи. На основе этих обоснований можно было конкретно обозначить опасные места, определить, каких процессов надо опасаться, и что нужно делать, чтобы их предотвратить. Например, зимой огромные наледи в несколько сотен метров длиной могли сильно корезить полотно. Помню случаи, когда полотно вместе со шпалами на 2—3 метра приподнимало.

Активно вели работы по воплощению в жизнь закона о Байкале — обоснование границ центральной экологической зоны, особо охраняемых природных территорий, функциональное зонирование и т.д. Институту поручили вести все работы по зонированию побережья Байкала, а меня назначили ответственным исполнителем.

В настоящее время успешно исследуем реакцию ландшафтов на глобальные изменения климата. Я возглавляю большой коллектив научных сотрудников ряда академических институтов Сибирского отделения РАН по решению задач научного обоснования охраны природы и особого природопользования Байкальского региона.

— То есть занимаетесь конкретными практическими вопросами. А на ваши знания есть спрос?

— Конечно! И это касается в частности претворения в жизнь закона о Байкале. Мы решаем конкретные проблемные вопросы по всей Сибири. Достаточно вспомнить проект

перевоски сибирских рек. Тогда мы, проанализировав все плюсы и минусы, категорично сказали: «Нельзя этого делать, это повлечёт серьезные экологические нарушения!». И нас услышали. Остро стоял вопрос, связанный с трансграничностью рек. Например, истоки Иртыша, Аргуни находятся в других странах, и там начинается их регулирование, что рождает целый ряд вопросов. Сейчас ведь природу надо рассматривать как единый живой комплекс. Если раньше всё регулировалось естественным путем, то сейчас при вмешательстве человека надо учитывать много различных факторов.

В институте делается значительно больше того, что входит в круг моих научных интересов. Поэтому надо уделять внимание всем направлениям, а это и экономическая география и социальные проблемы, экология территорий и различные методы оценки временных изменений и т.д. Ведь и ландшафтное планирование, которое у нас развито благодаря предыдущему директору члену-корреспонденту РАН А.Н. Антипову, тоже включает и социальные, и экономические, и другие вопросы. Все в комплексе прорабатывается, чтобы понять, как гармонично, бережно и эффективно хозяйничать на Земле. Современная география — это наука, которая учит управлять территорией.

— Виктор Максимович, а каких принципов вы в жизни придерживаетесь, что цените больше всего в людях?

— Очень важна, на мой взгляд, обязательность: сказал — сделал, можешь — берись, сомневаешься — откажись! При этом всегда всё надо выполнять качественно. И в науке, и в жизни, и в карьере добиваются успехов те, кто много и хорошо работает. В людях ценю прежде всего профессиональные знания, ответственность, работоспособность и более всего порядочность. А еще есть такое качество — способность учиться всегда, до глубокой старости. Мой учитель Лев Николаевич Ивановский, человек уникальный, и в 95 лет изучавший альпийский рельеф и знавший о нем все, говорил нам, аспирантам: «Это я учусь у вас!»

— А время для отдыха остается?

— Для меня лучший отдых зимой — рыбалка с друзьями, летом люблю отдыхать с семьей на Байкале, в районе острова Ольхон, на Аршане — там тоже есть друзья детства. Охотой занимаюсь сейчас некогда, а раньше бывало с отцом в тайгу частенько ходили, свое зимовье у нас там было, добывали белку, колонка, соболя.

Люблю спорт, в лыжных соревнованиях уже не участвую, но пробежаться зимой стараюсь обязательно, нужно быть в форме. Раньше, когда каждый полевой сезон уходил в горы, зимой сам организм требовал движения, а сейчас уже приходится себя иногда заставлять.

— Заметила, что вы часто говорите «друзья», «с друзьями»?

— Со школьной скамьи, с университета дружим — встречаемся, общаемся, вместе отдыхаем. Я один директор среди моих друзей, но это не мешает нашим отношениям. Мой университетский друг Алексей Тен уже был коммерсантом, когда я над докторской корпел, получал копейки, так он не раз помог мне, и я это ценю, да и сам всегда стараюсь на дружбу добром ответить.

Виктор Максимович с удовольствием рассказывает о друзьях, семейных путешествиях, экспедициях по Прибайкалью, вспоминает яркие впечатления, например, встречу с медведем, или как его однажды накрыло лавиной, объясняет, как нужно правильно вести себя при этом. И понимаешь, что он любит и хорошо знает свой край — Сибирь — и как учёный делает все, чтобы не только досконально изучить, но и сохранить его. И ещё невольно отмечаешь в Викторе Максимовиче характерные именно для сибиряков черты, такие, как надежность, открытость, отзывчивость, и они, думается, помогают ему в жизни.

Галина Киселева, «НВС»

Колыбель алмаза

В минералогическом музее Института земной коры СО РАН есть уникальная коллекция кимберлитов. А подарил её иркутским коллегам Джемс Ильич Саврасов, основатель музея кимберлитов в Мирном. Джемс Ильич, закончив Ленинградский горный институт, попал в Амакинскую экспедицию и всю свою жизнь связал с алмазной геологией. Коллекционированием кимберлитов занялся давно. В 1993 году его назначили начальником музейного отдела. Позднее по решению руководства акционерной компании «АЛРОСА» и её президента В.А. Штырова для музея выделили второй этаж каменного здания площадью 800 кв. м в центре города Мирного. С тех пор Музей кимберлитов стал достопримечательностью и гордостью города.

Подарил он коллекцию не только потому, что дружил с иркутянами и защищал здесь свою диссертацию — иркутские геологи сыграли важнейшую роль в открытии якутских алмазов.

«Хорошо известно, что поиск алмазов сразу после войны начинали иркутские геологи под руководством М.М. Одинцова, — рассказывает научный руководитель музея Лариса Александровна Иванова. — Первая алмазная трубка «Зарница» была открыта в 1954 году, а потом по пироповой съёмке в 1955 году трубки открывались подряд одна за другой: 13 июня — трубка «Мир», 15 — трубка «Удачная», 17 — «Маршрутная». И кимберлиты трубок, даже уже выработанных сегодня, теперь есть в нашем музее. А чтобы посетители могли воочию представить, как добываются алмазы, здесь расположены фотографии, на которых изображены огромные кратеры в земных недрах, ландшафт, напоминающий лунный».

Интересно, что в коллекции музея можно увидеть образцы кимберлитовых пород не только разведанных, но и отработанных месторождений алмазов Якутии и других стран. А они — большая научная и практическая ценность, поскольку аналогов таким кимберлитам уже не существует в природе: уничтожены в процессе разработки карьеров.

К 100-летию со дня рождения М.М. Одинцова в 2011 году в музее ИЭК СО РАН открылась экспозиция специальной выставки, посвященной выдающемуся учёному и его алмазной тематике. В статье сотрудников института, написанной по поводу этого события, в частности сказано: «Одинцовым было составлено обоснование для поисков алмазных месторождений, возможность нахождения которых была изложена им же в 1939 г. в докладной записке, поданной в трест после окончания полевого сезона в Катангском районе Иркутской области. В 1947 г. Михайлов Михайлович получил назначение на должность техрука (и инженера) Тунгусской экспедиции (позже получившей название Амакинская) по поискам алмазов на Сибирской платформе. Весной 1948 года в террасовых отложениях р. Малая Ерема был найден первый алмаз на территории Сибирской платформы. 7 августа 1949 года был найден первый алмаз на косе Соколиная (бассейн р. Вилюй).

В декабре 1954 г. Президиумом Восточно-Сибирского филиала АН СССР М.М. Одинцов был утверждён в должности директора Института геологии ВСФ АН СССР. Вместе с ним пришла в Институт и алмазная тематика. Изучались различные породы юго-восточной части Сибирской платформы и Саяно-Байкальской горной области для выяснения их возможной алмазности. Впервые на юге Сибирской платформы были обнаружены алмазоносные кимберлиты, составлена карта прогноза для поисков алмазов в Иркутской области». Безусловное украшение выставки — сувенирные образцы кимберлитов: «50 лет Ботубинской экспедиции АК АЛРОСА» и «Автограф» Джемса Ильича, выполненный на кимберлитовой брекчии».

Галина Киселева, г. Иркутск